

КОММУНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

А. СПИРАНТСКИЙ

А. Спирантский

Коммунальный детектив

<https://litres.ru/69388117>

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта книга для Вас, если Вы готовы погрузиться в подлинный мир конца 80-х годов XX века, не искаженный призмой времени, потому что написана она была именно тогда. Когда в первый Макдональдс в Москве выстраивались очереди длиннее, чем в Мавзолей. Посмотреть на мумию Ленина – это было оглянуться в прошлое, а куснуть гамбургер – это заглянуть в будущее. Вот на таком стыке времен и произошло убийство в коммунальной квартире в Ленинграде, ещё не успевшем вновь стать Санкт-Петербургом. Все её жильцы под подозрением. Сможете разгадать кто же убийца?

А.Спирантский

Коммунальный детектив

Город пробуждался под натиском разноязыкой трели будильников. Оркестр дневных звуков настраивал свои инструменты: двери подъездов одиночными резкими выстрелами разминали затёкшие пружины, им вторили глухими хлопками дверцы машин, поспешная дробь каблучков сменялась монотонным кряхтением прогреваемых двигателей. Литавры, дремавшие под видом мусорных бачков, оживали в руках дворничихи, исполнявшей вдруг пронзительную арию:

– Ма-а-а-ня! Метлу возьми!

В этот утренний час Валера, поковырявшись ключом в замке, вступил в лоно квартиры N27, в которой он жил с женой Анной и двумя детьми, деля кров и счёт за коммунальные услуги с ещё четырьмя ответственными квартироросъёмщиками.

Валера не был суетлив и не торопился сорвать крупный банк, поэтому в тридцать с небольшим, он неспешно размазывал клубок житейских премудростей, стараясь отыскать нить своей жизни. Он учился на заочном в институте культуры и работал в котельной – сутки через трое. Отбывая трудовую повинность в котельной, Валера попутно изготавливал

рамы и подрамники, которые пользовались большим спросом, в связи с выходом художественного андеграунда из подполья на коммерческие просторы улиц и скверов.

Валера вернулся с очередного дежурства, и впереди его ожидали крепкий сон и трое суток свободных от госслужбы. Было около семи утра, когда он вошел с черного хода в квартиру и оказался в маленьком тесном предбанничке, из которого можно было попасть в ванную, в туалет, на кухню и в длинный широкий коридор, именуемый демократически настроенной частью жильцов “взлётно-посадочной полосой”. По обеим сторонам от “взлётно-посадочной” располагались комнаты, а в другом ее конце была прихожая и парадных вход. Квартира N27 к этому моменту ещё не включилась в общегородское движение за пробуждение, оставаясь оплотом тишины и темноты. Пройдя мимо туалета и ванной, Валера собирался повернуть налево и вступить на “взлётную полосу”, но что-то необычное привлекло его внимание на пороге кухни. Робкий утренний свет уже достаточно освещал кухню, чтобы уловить очертания человека, лежащего на полу прямо у входа. Валера не сразу нащупал выключатель, а когда, наконец, зажегся свет, теплившееся в душе сомнение оказалось развеяно – у его ног лежал молодой мужчина. Поднятая где-то за спиной рука, нелепо раскинутые ноги и лужица крови возле свёрнутой набок головы не оставляли надежд на то, что он жив. Тем не менее в первом порыве Валера нагнулся, но тотчас выпрямился. “Надо позвать сосе-

дей”, – подсказал голос разума. Ситуация было нестандартная и требовала каких-то действий. С одной стороны, что может быть трагичнее смерти, и что может быть неожиданнее, чем однажды утром обнаружить на полу, пусть и коммунальной, но всё же частично своей кухни труп постороннего мужчины. Исходя из этого, вполне уместно было бы тут же заорать благим матом на всю квартиру, созывая соседей. Но с другой стороны, Валера был мужчиной в расцвете сил, труп лежал себе тихо мирно, и никакой надобности орать вроде бы не было. Руководствуясь этими соображениями, вихрем пронёсшимися в голове, Валера решительным шагом вступил на “взлётно-посадочную” и громко и настойчиво забарабанил в ближайшую дверь.

– Борис! Лариса! – и с некоторым запозданием, – Петровна.

Борис Игнатьевич и Лариса Петровна, состоявшие в законном браке уже пять лет (для обоих это была вторая попытка создания семейного очага), занимали самую большую в квартире, сорокаметровую комнату. Они сделали из неё две, поставив перегородку, и получили приличную гостиную и уютную спальню. Из недр спальни, преодолев на своём пути многочисленные препятствия, в том числе дубовую дверь, донёсся слабый ответ:

– Что случилось?

– Выйдите на минутку. Случилось ЧП.

Валера шагал дальше. По дороге стукнул в свою дверь:

– Аня, выйди!

Следующая была комната Михаила Семёновича. Он моментально открыл, лишь только Валера начал стучать, будто ждал этого момента, притаившись за дверью.

– Михаил Семёнович, на кухне труп.

– Что, что? – переспросил тот, не прекращая делать гимнастические движения руками. Минуту назад, оборвав звон будильника на первой музыкальной фразе, Михаил Семенович, как обычно бодро, несмотря на свои 52 года, брюшко, отёчность и плешивость, сунув ноги в шлёпанцы, принялся за утреннюю гимнастику. За этим его застал стук в дверь.

– На кухне труп, – повторил Валера. – Разбудите Аполлонову.

Сам он уже стучал в следующую дверь:

– Игорь, подъём!

Через несколько минут население квартиры застыло в дверях кухни, молча уставившись на неизвестно как очутившийся на кухне труп незнакомого мужчины. Протиснувшись между растерявшимися взрослыми и оказавшись в первом ряду, пятилетний Миша, сын Валеры, нарушил молчание:

– Мам, а чего он тут разлёгся?

– А ты как здесь очутился!? – опомнилась Анна и, схватив сына за руку, потащила обратно в комнату. Из коридора доносился Мишкин голос:

– Мам, а он мёртвый, да? Мам, он совсем мёртвый? Взаправду или понарошку? Скажи.

В это время, разбуженная раньше обычного, Глафира Аполлинарьевна, старушка неопределённого возраста, за глаза именуемая Аполлоновной, добралась до места всеобщего сбора и протиснулась в брешь в соседских рядах.

– Господи, спаси и помилуй, – пробормотала она и, мелко крестясь, направилась в уборную.

После этого все вдруг загомонили разом.

– Кто это?

– А он действительно мёртв?

– Откуда он здесь взялся?

Первую конструктивную мысль высказал Валера:

– Надо позвонить в милицию.

– Да, конечно. И в “скорую”, – развил идею Борис Игнатьевич.

– Может, он всё-таки жив? Надо что-то сделать! Надо пощупать пульс, – срывающимся голосом предложила Лариса.

– Ну, что же вы?

Но мужчины все как-то дружно, не сговариваясь, направились к телефону. Поначалу чувство мужской солидарности увлекло и Игоря в сторону телефона, но, поняв свою ненужность там, он повернул обратно к месту происхождения.

Игорь, 15-летний отрок, не имел в квартире N27 ни постоянной, ни временной прописки, но жил в ней уже больше года и признавался жильцами полноправным членом коммунального коллектива. Родители Игорька уже второй год загорали под болтающимися прямо над головой ежедневным

африканским солнцем. Уезжая работать по контракту в дружественную республику, они сдали Игорёшу на воспитание бабушке, бывшей балерине, а ныне садоводу-любителю. По первоначальному проекту родителей, бабушка с дедушкой должны были переехать жить в их двухкомнатную квартиру на Индустриальном, но бабуля, сохранив к 70-ти годам своенравный характер, наотрез отказалась переезжать куда бы то ни было, а тем более в безликий блочно-бетонный продукт решения жилищной проблемы, из своей комнаты в центре, в которой она прожила всю сознательную жизнь. А вот Игоря к себе они могут взять – это пожалуйста. Отгородят ему ширмой, не шкафом, как это теперь принято делать, за неимением лучшего, а самой настоящей раздвижной 6-створчатой ширмой довоенного образца. Слабые попытки родителей апеллировать к бабушкиной сознательности, ссылаясь на то, что Игорёша учится в школе, были отвергнуты, как необоснованные. Чай, не в Царскосельском Лицее учиться, а в обычной советской школе, коих однообразно средних в каждом районе хоть отбавляй. В каждом таком учебном заведении одинаковые, вплоть до манеры одеваться, учителя дают одинаково ненужные знания по одной и той же утвержденной программе. Родителям пришлось капитулировать, приняв все условия, так как времени искать какие-то компромиссные решения у них не было – они всегда всё делали в последний момент. Родители улетели, предоставив Игорю самому решать вопрос о школе. Поначалу Игорь вообще не

хотел переезжать, потому что перспектива пожить одному была в его возрасте весьма заманчивой, но с бабулей было трудно спорить, и пришлось подчиниться. А вскоре ему и самому понравилось жить в центре в шумной многолюдной квартире. Кроме того у бабули была замечательная библиотека, а свободу его они с дедом почти не стесняли, потому что с мая по ноябрь безвылазно жили на даче, любовно ведя там своё садово-огородное хозяйство. Да и зимой их частенько влекло на природу.

Родители, которых Игорь после отъезда, называл не иначе как “мои африканские предки”, регулярно два раза в месяц присылали объёмистые письма, обязательно содержащие father-part и mother-part. Относительно сообщавшихся фактов обе части во многом совпадали, но эмоциональная окраска изложения была совершенно различная. Со скептической иронией в father-part и с экзальтацией в mother-part письма несли информацию о климатических, этнических, культурных, исторических и географических особенностях дружественной африканской страны. Каждое письмо помимо вопросов: Как дела? Как учёба? Хорошо ли ты ешь? (mother-part) Не забываешь ли ты сдувать пыль с гантелей? Прошло ли языческое поклонение Сименону? (father-part)? Обязательно содержало вопрос: Что тебе прислать? И Игорь писал, что неплохо бы плеер или хотя бы десяток кассет, а также последний диск Deep Purple и кроссовки фирмы Nike. Через пару месяцев пришло извещение на посыл-

ку. Игорь еле дотащил до дома ящик с иностранными штемпелями. Протяжно скрипнув под нажимом отвёртки, ларчик отворился. Вес посылки создавали аккуратно переложенные паролоном образцы пород. На каждом камне красовался маленький кружочек с номером. Помимо булыжников Игорь обнаружил дудку, состоящую из двух тростниковых трубок с дырками, продетых через скорлупу кокосового ореха. Поверхность ореха была украшена мелкими разноцветными камешками. Сопровождающая записка содержала подробное описание каждого экспоната (родители Игоря были геологами), и некоторые пояснения, относившиеся к дудке. Дудка было на столько музыкальным, сколько предметом культа. С ее помощью представители дикого африканского племени изгоняли злого духа, несущего засуху, и вызывали дождь. Все попытки Игоря извлечь из дудки какой-нибудь звук окончились ничем. Не только ни одна нота не вырвалась из чрева кокосового ореха, но и свист застревал где-то в тростниковых трубках. Промучившись с дудкой полдня, Игорь решил воспринимать её как декоративное украшение и повесил на стену над кроватью. К вечеру, однако же, пошёл дождь, что, впрочем, совсем неудивительно для Ленинграда в конце октября. Кроме этой экзотики Игорь к своему удивлению нашёл в ящике также тёмно-синюю майку с номером 66 цвета бордо, хотя в сопроводительной записке об этом ничего не говорилось. Видимо, упоминать о ней родители посчитали ниже своего достоинства, но будучи де-

мократами и не отрицая возможности плюрализма мнений на счёт того, что нужно присылать из-за границы в Союз, они вложили в посылку эту майку. Нисколько не огорчившись и не удивившись столь точному совпадению его заказа с содержанием посылки, Игорь, всё же, ещё раз попытался направить мысли предков в русло своих нужд, тем более, что продолжавшие регулярно поступать письма по-прежнему содержали вопрос: что прислать? Деликатно напомнив о кассетах, Игорь также намекнул, что весь цивилизованный мир сейчас слушает “New Jersey” Bon Jovi, и что электронные часы-штамповка там у них стоят, наверное, дешевле билета на автобус.

Но следующая посылка оказалась такая же тяжёлая, как и первая, что явно указывало на не тряпичный характер её содержимого. И тем не менее, когда Игорь вскрыл посылку, то сверху оказалась панамка в стиле сафари, которая отправилась соседствовать к майке в ожидании лета. Создавалось впечатление, что родичи уже подзабыли климатические особенности Ленинграда. Под панамой скрывался какой-то деревянный божок – предмет языческого поклонения новых друзей предков и огромная сахарская роза, которая и делала эту посылку тяжёлой. О том, что этот светло-коричневый камень, испещренный замысловатой сетью разломов, впадин и плоских выступов, топорчившихся в разные стороны и напоминающих лепестки, называется сахарской розой, Игорь узнал из сопроводительных записок, которых бы-

ло две: в father-варианте и в mother-варианте.

“Так называемые сахарские или песчаные розы, экземпляр которой мы тебе посылаем, – это одна из форм поверхностных кор, широко распространенных в Сахарских регах. Это песчаники, сцементированные гипсом или известью. Местные жители называют их деб-деб. Эти “розы” выросли из-за того, что начинающая просачиваться сквозь песок дождевая вода возвращается на поверхность благодаря капиллярности и отлагает растворенные в ней соли. В настоящее время аридность Сахары позволяет только не разрушать эту “аранжерею”, процесс же образования поверхностных кор завершился тысячелетия назад,” – сообщалось в father-part.

“Эти причудливые кристаллы гипса, выросшие на песке, в который раз доказывают, что природа неудержимо стремится к красоте. Даже скупая на разнообразия Сахара и та вырастила эти чудные “цветы”. Местами они целыми “клумбами” выходят на поверхность, но большая часть укрыта аллювиальными отложениями или эоловыми песками или мергелем,” – делилась своими впечатлениями маман.

После этого Игорь уже не писал в письмах, что прислать, но с не меньшим удовольствием, отправлялся каждый раз за очередной посылкой – родители продолжали их присылать, наполняя на свой геолого-романтический вкус. Летом после года работы в Африке должны были приехать домой в отпуск, но они решили провести его на Средиземноморье на

сэкономленные валютные средства. В сентябре пришла посылка с дарами моря и бывшими обитателями дна. Среди многочисленных даров природы оказалось и изделие рук человеческих – на сей раз дымчатые итальянские очки. С момента прихода этой посылки прошло не больше месяца до того злополучного утра, когда в квартире N27 был обнаружен труп.

Борис Игнатьевич, стараясь за казенностью фраз скрыть волнение, объяснялся по телефону с дежурным милиционером. Валера стоял рядом, и Борис Игнатьевич после каждой произнесённой фразы смотрел ему в глаза, призывая разделить с ним бремя ответственности. Михаил Семёнович, вроде как оставшийся на вторых ролях, потоптался за спиной у Валеры, а потом по-тихонечку двинул в сторону своей комнаты. Игорь решил вернуться на кухню, где в результате один на один с трупом осталась Лариса, жена Бориса Игнатьевича, привлекательная 35-летняя женщина, сумевшая сохранить стройность и женственность, благодаря тому что вела по советским меркам более или менее обеспеченную и спокойную жизнь. Большие карие глаза на узком лице, создавали иллюзию ещё большей их величины, и пшеничные волосы, которые в любой ситуации оказывались умело и со вкусом убранные, придавали ей то очарование, которое способно увлечь мужчину хоть на край света или пропасти.

Подходя к кухне, Игорь успел заметить, как Лариса резко выпрямилась до неестественной прямооты, будто пытаясь

подчеркнуть, что она не только не наклонялась над трупом, но и что, вообще, спина её не способна гнуться. Правая рука её при этом, быстро шмыгнув в карман халата, затаилась там, не рискуя пошевелить пальцем. Лариса сделала несколько нарочито медленных деревянных шагов вглубь кухни, сохраняя парализованность тела. Только очутившись на приличном расстоянии от трупа, она начала оттаивать, не вынимая, однако, правую руку из кармана. Зачем-то деловито ощупав левой рукой, подвешенную для просушки петрушку, и будто вспомнив, воскликнула:

– Какое ужасное утро!

– Утро тут ни при чём, – назидательно произнёс появившийся в дверях Михаил Семёнович. – Все тёмные дела совершаются ночью, а утро, оно как весна, обнажающая под стаявшим снегом, накопившиеся за зиму нечистоты.

Кажется, весьма довольный своим сравнением и, бросая недвусмысленный взгляд на Ларису Петровну, явно намекающий на то, что такая женщина и есть само воплощение дьявола, по вине которой совершаются по ночам все преступления, Михаил Семёнович, придерживая одной рукой полы халата, пробирался мимо трупа, высоко поднимая колени и опуская ногу на носок, будто пол был вокруг унавожен, и он с трудом находил пяточок чистого пространства, чтобы ступить. Тапочки без задников каждый раз, когда он опускал ногу на носок, вначале на мгновение зависали, а потом, оторвавшись от пятки, шумно шлёпались об пол всей подош-

вой, оправдывая своё название “шлёпанцы”.

– Господи, вы еще можете думать о еде?! – сделав театральный жест свободной рукой, воскликнула Лариса. Михаил Семёнович нёс на вытянутой руке две обледенелые сосиски.

– Мне, милочка, в отличие от вас на работу надо идти независимо от всяких катаклизмов, – уже в спину быстро удалявшейся Ларисе, парировал Михаил Семёнович.

Придя в комнату, Лариса окинула её взглядом, соображая, куда спрятать то, что лежало в халате, жгло бедро и приковывало правую руку к карману. Её взгляд блуждал по обстановке, в создание которой она вложила немало сил, времени и денег мужа, пытаясь соединить на 30-ти квадратных метрах аристократизм салона с домашним уютом. Хлопотное это было дело в условиях развитого социализма: соотнести обивку мебели и цвет обоев, даже элементарно расставить всё необходимые предметы и сохранить ощущение пространства, учесть нюансы дневного и электрического освещения. Но Лариса занималась этим самозабвенно и с любовью, и по праву гордилась результатом.

Сейчас комната показалась ей такой неуютной и незащищенной, прямо как лобное место, – ничего не укроешь. “Куда? Куда?” – вертелось в голове. “Между книг? В шкаф с бельём?” И тут же всплывали картинки обыска: в беспорядке разбросанные по полу книги, вывороченные ящики, грудями сваленное бельё, вспоротая обивка...

– Ларочка, скажи, что ты думаешь по поводу этого всего, – подал голос из-за перегородки муж. После звонков в “скорую” и милицию мужчины разбрелись по своим комнатам.

– Ну что я могу думать?! То же, что и все – ничего. Просто ужас какой-то, – нервно расхаживая по комнате, ответила Лариса.

– Вот, стоило уехать в командировку, и на тебе. Приезжаешь, а тут покойник. Спасибо, удружили.

Скрипнула кровать. Лариса вздрогнула и представила себе картину за перегородкой. Боров (в зависимости от ситуации Лариса именovala мужа либо Бориком, иногда Бобриком, или Боровом – в свои сорок пять он был, прямо скажем, грузноват) сейчас лежал на краю их алькова, подложив руки под голову и свесив одну ногу на пол, всем своим видом говоря, что прилёт на минуточку, чтобы немного подумать о чём-то важном, но на деле в этой позе он вскоре засыпал, слегка посапывая приоткрытым ртом. Лариса ещё искала глазами потайное место в комнате, но уже приходила к выводу, что самое надёжное, пожалуй, будет оставить “это” пока что в кармане халата. Только немного смущала и волновала картина, которую рисовало разыгравшееся воображение: Её обыскивает Олег Янковский в форме эсесовца, и почему-то основное внимание уделяет её груди, которая взволнованно напрягается под халатиком, уже неспособным сдерживать натиск нетерпеливых пальцев с одной стороны и трепещущей плоти с другой. Но она, как настоящая подпольщи-

ца, сжав зубы, мужественно терпит эту пытку и сдерживается, чтобы не броситься на шею Янковскому. В этом воображаемом эпизоде эсесовец так и не полез к ней в карман, и это окончательно убедило Ларису в том, что это и есть самое надёжное место. Однако, ей лучше на всякий случай переодеться, тем более, что милиция прибудет с минуты на минуту, и, пожалуй, неприлично будет встречать её в халате, к тому же весьма пикантном.

Ну, не с минуты на минуту, но милиция всё же приехала. Правда, чуть раньше прибыла “скорая”. Врач, которого успели перехватить перед самым окончанием дежурства, беззлобно чертыхался:

– Вы что, с ума тут посходили разом? Вы бы ещё священника вызвали! В самый раз! Ну, артисты. За версту видно, что клиент уже давно во врата рая стучится, а вы “скорую” вызываете.

Небольшого роста белобрысый старший сержант и здоровенный амбал ефрейтор из дежурного наряда тоже только зря наследили в коридоре. Придя на кухню, сержант постоял в раздумье над трупом, потом сдвинул фуражку на затылок и уже собрался нагнуться, видимо, чтобы удостовериться в летальном исходе, но в этот момент врач “скорой”, задержавшийся в связи с естественной надобностью, вышел из туалета:

– Да ты чего, сержант, не видишь, что жмурик! Лучше не трогай, только наследил зря – от начальства по шапке

получишь.

Сержант выпрямился и для поддержания своего авторитета спросил:

– Кто обнаружил труп?

– Я, – отозвался Валера.

Сержант не знал, зачем он задал этот вопрос, поэтому сказал:

– Хорошо, попрошу всех пока никуда из квартиры не выходить. – И надвинув на лоб фуражку, добавил:

– Где тут у вас телефон?

– Как не выходить? Мне на работу нужно, я и так уже опаздываю, – всполошился Михаил Семёнович.

– Шеф, ну я-то поехал, у меня дежурство уже полчаса как отзвонило. Водила, если ещё меня дожидается, то уже наверняка, попомнил всех моих праотцов добрым словом. Мы тут вообще по ошибке.

Сержант решил, что лучше ничего не отвечать, сообразив, что вряд ли сумеет удержать здесь врача – только авторитет потеряет, если вступит в пререкания, поэтому он молча последовал за Валерой к телефону. Вызвав опергруппу и ожидая её приезда, сержант прошёлся три раза из конца в конец взлётно-посадочной, попеременно, то сдвигая фуражку на затылок, то надвигая на лоб. Дело было не по его чину, и, ощущая отсутствие власти в данной ситуации, он томился, поэтому, завершив третий вираж на взлётно-посадочной, он оставил в коридоре ефрейтора, а сам отправился вниз к ма-

шине, якобы узнать, нет ли ещё вызовов. Амбал-ефрейтор безучастно стоял в прихожей, рассматривая узоры на обоях.

Работа закипела только с приходом опергруппы. В квартире засновали какие-то люди: одни приходили, другие уходили. С фотоаппаратами, с рулетками они мелькали туда-сюда и чувствовали себя как дома. Обитатели квартиры, наоборот, во всей этой кутерьме оказывались помехой, вроде Мишкиного велосипеда, торчавшего в прихожей. Они всякий раз сторонились к стеночке, когда какой-нибудь оперативник с деловым видом шёл на разгон по взлётно-посадочной, утрачивая ощущение хозяев, и начинали поглядывать друг на друга, как на потенциальных преступников.

Квартира N27 по ежедневным оценкам-пересудам бабулек, устроивших на скамейке у подъезда свой клуб по интересам, числилась благополучной: без смутьянов и баламутов. Это не означает, конечно, что её жильцам бабульки не перебивают косточки. Ещё как! Тем более, что Аполлоновна – активный член уподъездного клуба. Но в пересудах они проходили по бытовым провинностям, без криминального подтекста. Не то что 18-ая со второго этажа. Там один Колька-Фужер чего стоит. Он и сидел уже, и участковый к ним частенько наведывается, а всё едино, как очередная попойка, то житья нет, без драки не обходится, хорошо ещё если без поножовщины. Там бы покойник на кухне никого не удивил.

В первый момент Игорь и все остальные жильцы квартиры отнеслись к труп, как к чему-то не имеющему к ним

никакого отношения. Ну, бывает, ошибаются люди квартирой, вот и покойник перепутал. Но когда элементарная логика потихоньку вытеснила эмоции, стало ясно, что тут кроется какая-то тайна, и разгадка её, видимо, находится в недрах квартиры N27. Осознав это, Игорь почувствовал, как в нём пробуждаются все известные ему по детективной литературе сыщики. Буквально разрываясь на части, он пытался не упустить ни на минуту из виду ни одного из членов опергруппы, чтобы вся информация, собираемая ими, стала и его достоянием. Но уследить за всеми не было возможности, слишком много их было: тут и фотограф, и эксперт-химик (его Игорь опознал по чемоданчику и по характерному запаху кабинета химии), и, видимо, врач, и ещё масса народу. Игорь решил, чтобы не бегать за каждым оперативником, он определит кто тут главный и будет наблюдать за ним. По стереотипу, выработанному советскими детективами, следовательно, которому получено дело, должен быстро угадываться по тем чётким и разумным приказам, которые он раздаёт подчинённым, сам пребывая в раздумьях о мотивах преступления. Подчинённые, в свою очередь, жадно ловя каждую высказанную и невысказанную вслух мысль любимого начальника, немедленно бросаются выполнять приказания и всегда успешно справляются с любым заданием, пусть бы даже требовалось отыскать машину по одной цифре в номерном знаке или подозреваемого по оторванной пуговице. Тем временем шеф в ожидании информации от разлетевшихся

по его приказаниям подчинённых курит сигарету за сигаретой (курение – это его единственный недостаток, так необходимый для достоверности образа), и осеняется время от времени гениальными догадками. По закону жанра должен быть ещё молоденький лейтенант, хороший парень, но в силу неопытности и поспешности, допускающий на первых порах серьёзные просчёты, но зато в конце, рискуя жизнью, именно он задерживает преступника в неравной схватке один на один. Для создания дополнительного конфликта полковник – непосредственный начальник следователя, руководствуясь опасным в таком деле соображением – скорее раскрыть преступление – готов пустить группу по ложному следу, невольно становясь пособником истинных преступников. Следователь отстаивает свою точку зрения, рискуя карьерой, и в этом конфликте в решающий момент ему помогает мудрый убеждённый сединой генерал. Единственной деталью, оказавшейся достоверной в советских детективных фильмах, было то, что оперативники работали в штатском. А в остальном, хоть и несколько сумбурно, но каждый делал своё дело без чьих-то указаний. Шефа раскусить не удалось. Ручейки информации не стекались в одно место, по крайней мере на этом этапе следствия, И Игорю приходилось-таки разрываться на части. Ему помогало то, что дело двигалось гораздо медленнее, чем это показывалось в фильмах. Приноровившись, Игорь успевал оказываться в нужный момент как раз в самом интересном месте.

К двенадцати часам труп увезли, жильцов опросили, и опергруппа уехала, попросив по возможности из города не уезжать.

– Вот натоптали-то окаянные, – проворчала Аполлоновна, проверяя хорошо ли захлопнулась дверь за оперативниками. – Михаил Семёныч, кажется, в эту неделю ваша очередь по местам общего пользования, – вкрадчиво проговорила она, проходившему по коридору уже в костюме и с портфелем Предводителю квартиросъёмщиков. Так Игорь окрестил Михаила Семёновича Кузенкова за то, что тот добровольно принял на себя почётные обязанности по составлению графика дежурств по квартире и снятию показаний счётчика электричества.

– Лучше вас знаю, что моя, уважаемая Глафира Аполлинарьевна, – отвечал составитель графика. – В субботу, как всегда, всё будет блеснуть, а сейчас разве не видите – на работу спешу. И так полдня с этим тр.. ммм делом потерял, и всё в счёт отгулов. А вообще-то, мероприятие, так сказать, нынче внеплановое, хорошо бы силами пенсионеров, учащейся молодёжи и тунеядцев субботничек организовать по ликвидации последствий.

Произнося слово тунеядцы, он выразительно посмотрел на дверь Ларисиной комнаты. Будто поддавшись гипнозу, дверь открылась, и на пороге появился Борис Игнатьевич, тоже в костюме, с дипломатом в руке, деловито поглядывая на часы Seiko. Костюм его выгодно отличался от польского

десятилетней давности костюма Кузенкова. На тучном теле Бориса Игнатьевича ладно сидела новенькая финская тройка. Благодаря бабе Глаше, задержавшей Михаила Семёновича, Борис Игнатьевич Переверзев опередил своего конкурента по желанию сходить кой-куда на дорожку.

Кузенков и Переверзев оба были сов. служащими, но как красноречиво свидетельствовали их костюмы служить советскому союзу можно очень по-разному. Маленький инцидент с туалетом ещё раз доказал постоянство Фортуны в своих пристрастиях. Завершив дела домашние, Переверзев и Кузенков отправились на службу: один на трамвае, другой в “Жигулях”.

Валера затаился в своей комнате, видимо залёг спать после дежурства. Его жена Анна ещё до ухода оперативников отвела детей в сад, а затем, дав показания, и сама ушла на работу.

Аполлоновна поскреблась в Ларисину дверь:

– Ларочка, я сейчас уйду на часок, а с грязью потом разберёмся, когда вернусь, ладно?

Старуне явно не терпелось поскорее отправиться в свой клуб, где уже наверняка собрались его завсегдатаи, гадая, к кому это приезжало сегодня утром столько машин с официальной раскраской. Да, сегодня ей будет о чём порассказать соседushкам, не то что обычно, её выступление ограничивались лишь сводками о том, кто из мужчин промахнулся мимо унитаза, да у кого суп выкипел.

– Ладно, баба Глаша, идите. Я сама справлюсь, – неожиданно миролюбиво ответила Лариса.

– Ну, не управишься, так я подмогу, когда вернусь, – мелко семена к своей комнате, пробормотала, сражённая таким альтруизмом старуня.

Игоря распирало начать собственное расследование, но в одиночку это было не так интересно – нужен был компаньон, Ватсон, с которым можно было бы делиться своими мыслями и догадками. Конечно, он сразу подумал о Курочкине и пошёл звонить ему, но тот был, видимо, в школе.

Весь прошлый учебный год Игорь ездил отсюда, из центра, в свою старую школу на Индустриальном. Но за год ему это изрядно поднадоело, поэтому закончив 8-ой класс, он весной забрал документы, тем более, что многие одноклассники тоже разбежались: кто в физ-мат школы, кто в училища. Естественно, что летом Игорю было как-то не до того, чтобы думать о том, где он продолжит своё образование, но сейчас уже начался октябрь, а он всё ещё не решил куда пойти учиться: то ли в десятый класс (с этого года школы стали одиннадцатилетками и нумерация сдвинулась на единицу, поэтому поучиться в девятом классе Игорь не мог при всём желании), то вдруг думал пойти обучаться на краснодеревщика. В общем-то, он понимал, что кончается его вольная жизнь – вернуться с дачи дед с бабулей, придётся куда-нибудь устраиваться. “Но к чему торопиться”, – рассуждал он, – “школа никуда не денется”. Лёха Курочкин был его старо-

давним другом. Они учились в одном классе и жили в одном подъезде до тех пор, пока родителям Игоря не вздумалось поехать в Африку. Но и теперь, когда друзей разделяло полгорода, они встречались довольно часто.

Игорь нырнул в кресло-качалку и начал выстукивать ногами на зубах трудноуловимую мелодию, одновременно пытаясь проанализировать утреннее происшествие.

“Итак, начнём с фактов. Факты, только факты и ничего кроме фактов. Чертовски, однако, не хватает трубки. Нет, сигарета ни на фиг не годится. С друзьями курнуть сигаретку это солидно, а так в одиночку дымить – ни уму, ни сердцу. Задача на одну трубку – это звучит, а задача на одну пачку “Космоса” – это уже полный бред. Врублю-ка я музыку, будем измерять степень трудности дела в кассетах. Загадка на одну кассету. Внимание. Мотор. Ну, поехали.

Что там у нас с фактами? Утром на кухне Валера обнаруживает труп молодого человека. Возраст не больше 25-ти. Документов нет. Вообще, содержимое карманов малоинтересное: около 20 рублей, ключ от французского замка, единственный проездной билет, два презерватива, расческа, скрепка, синий фломастер. Вроде, больше ничего. Тут никаких зацепок.

Едем дальше. Никто из квартиры его не знает. Предварительный осмотр показал, что смерть наступила именно там, на кухне, скорее всего после удара затылком об угол кухонного стола. Но чтобы человек так чётко рухнул навзничь, ему

кто-то должен был в этом помочь. Значит, была драка, но, видимо скоротечная, потому что никто из соседей ничего не слышал. Вообще, слышимость в квартире плохая – стены дореволюционные добротные. Не то что в доме напротив, там после капремонта и перепланировки соседи знают все подробности интимной жизни друг друга. Вот Аполлоновна-то, наверное, страдает! Пожалуй, всё-таки грохот от падения был будь здоров – в ближайших с кухней комнатах могли бы и услышать. А с другой стороны, я так сплю, что даже колоколов на Никольском не слышу.

Валера утром вошёл с чёрного хода. Опер, конечно, поинтересовался, почему не с парадного. Муфлон, если бы потрудился обследовать дом снаружи, то не задавал бы идиотских вопросов. Ясно, если человек идёт со стороны Театральной, то он не пойдёт в обход, а пойдёт проходными дворами и выскочит как раз к чёрной лестнице. Вопрос в том: была ли дверь заперта на все обороты или только на защёлку? Если убийца был пришлый, то тогда она должна была быть после его ухода защёлкнута только на защёлку. Вот о чём надо было спрашивать Валеру! Ну что ж, пойду исправлять ошибки оперов.”

– Валера!

– А?

– Можно...?

– Кто там? Ты что ли, Гарри?

– Я.

– Чего надо?

– Да так, дело небольшое. Зайти-то можно?

– Ну, заходи, – без всякого энтузиазма пригласил Валера.

Его семейство занимало две комнаты. Одна, поменьше, была отдана детям, в другой обитали Валера с Анной. Во внутреннем убранстве комнат царила невообразимая эклектика. Рядом со старинным шифоньером соседствовал учебнический письменный стол образца соцреализма. В центре комнаты стоял круглый обеденный стол на гнутых ножках. Среди стульев, беспорядочно расставленных по комнате, не было двух одинаковых. Прямо у дверей стоял здоровенный Мишкин самосвал, а под столом нелепо задрав лапы, валялся жёлтый медвежонок. Незримое присутствие детей ощущалось во всём. Валера в трениках лежал на диване. Его рельефный торс вызывал законное чувство здоровой зависти.

–

Ну, что скажешь, сосед?

–

Да я так, Валера. Если ты спишь, то я сейчас уйду. Слушай, мне только вот покоя не даёт эта дверь... Ну, была она заперта или нет?

–

Что? Какая дверь?

–

С чёрного хода. Когда ты утром домой возвращался... На некоторое время Валера оторопел, но, сообразив в чём

дело, разозлился:

– Ах, тебе, деточка, в сыщики поиграть захотелось?! Шерлок Холмс хренов! Ты в детство впал или детективами объелся?

– Да, я так просто.

– Так просто в твоём возрасте можно только с девочками баловаться. Ну, бездельник. Лучше бы уж в школу что ли пошёл на худой конец. А насчёт двери заруби на своём конопатом носу, что она была заперта, на все обороты закрыта. А ты, наверное, подумал, что она настежь была распахнута, а убийцы разбегались как тараканы. Что ещё тебя просто так интересует?

– Да ладно тебе, Валера. Всё ухожу.

– От ладана чертидохнут. Давай, давай, топай, Пуаро недоделанный. Нам тут теперь и без тебя всю оставшуюся жизнь на чьи-то дурацкие вопросы отвечать придётся.

Игорь вернулся на исходную позицию, в кресло-качалку. «И так ведь было ясно, что либо у убийцы был ключ, и он пришёл вместе с убитым, либо кто-то из соседей врёт. Но у кого мог оказаться ключ от нашей квартиры? Кроме постоянных жильцов есть у Аниной мамы, она приходит иногда посидеть с внуками. Есть ключ у Ларисиной дочки. Анжелика, ей, кажется 13 лет, живёт с бабушкой – Ларисиной мамой. Всё, больше, вроде, ни у кого нет. Ну, предположим кто-то потерял ключ, и что? Кто-то нашёл, узнал адрес. Пришли вдвоём, а может, их и больше было. Одного убили, ни-

чего не взяли и ушли, аккуратненько закрыв за собой дверь. Какой-то абсурд.

Ладно, что мы имеем на соседей? Валера ночью работал. Пришёл утром и обнаружил труп. Боб был в командировке и тоже вернулся только утром. Операм он сказал, что вошёл в квартиру примерно без двадцати семь с главного входа и сразу прошёл к себе, никуда не заходя, поэтому ничего не видел. Странно, конечно, что он с поезда даже не зашёл в ванную, хотя, может, он умылся в поезде. А ведь, если он бы пошёл в ванную, то обязательно бы проходил мимо кухни и должен был заметить труп.”

Резко качнувшись назад, Игорь выбросил себя из кресла-качалки и пошёл в ванную.

“Ну, и что я надеялся здесь увидеть? Всё как обычно. Мишкины клетчатые штаны, которые он умурзал клеем “Момент”, его же рубашонки. Ксюхины колготки и прочая детская одежда сушится. Ну да, вчера была среда, значит Анин банный день, вот она и настирала. Так, а вот Ларисина полочка: мыло, паста “Spacodent”, стаканчик для щёток с двумя щётками. В белом футляре, скорее всего, Ларисина. Она постоянно забывает её в стаканчик сунуть. Вчера она, вообще, на краю ванной полдня провалялась. Выходит в зелёном футляре – Боба. Она здесь всё время торчит, значит, для командировок у него другая щётка: разумно, если часто едешь в командировки.”

Игорь повертел в руках зелёный футляр, потом открыл его

и провёл пальцем по топорчившимся пучкам синтетических волосков... Они были влажными... “ Так, значит, Боб всё-таки сегодня чистил зубы. Но когда же он это сделал? С того момента, как началась вся эта кутерьма, я всё время вертелся в коридоре и на кухне: что-то не припомню, чтобы Боб заходил в ванную. Это уже стрёмно! Может, он и убил мужика? Кстати, и Лариса явно что-то прятала утром в кармане халата. А если это была какая-то улика против мужа?”

Игорь вышел из ванной и направился в сторону своей комнаты, его распирало от желания расследовать это дело дальше. У дубовой двери морёной под цвет перезрелого граната он невольно остановился. Сердце как-то ощутимо задёргалось в груди, а ноги вдруг стали пустыми и невесомыми. Лариса в это время на кухне замывала следы преступления. “Даже меня не позвала на помощь. Что-то это не очень на неё похоже – такое бескорыстное рвение на общественной ниве” – скребнула подозрительная мыслишка. Тело, казалось, стало совсем невесомым, как у пупса, душа то ли отлетела куда-то, то ли забилась глубоко в пятки, и лишь с бешеной частотой гулко колотилось в пустой оболочке сердце. Лёгкая, как перо, рука с трудом преодолевая невидимое сопротивление, взялась за ручку двери. И в тот же миг всё тело налилось тяжестью будто кто-то залил оболочку расплавленным металлом. С трудом управляя непослушным телом, Игорь осторожно открыл дверь. В этот же момент за перегородкой, отделявшей спальню от гостиной, раздался резкий

царапающий звук, а затем частые мягкие шлепки. В дверном проёме показался Собчак.

– Тихо, тихо, Собчак. Свои, – прошептал Игорь.

Настороженность в глазах собаки исчезла, и она лишь из вежливости продолжала трусить навстречу Игорю. Ларисиного коккер-спаниеля на самом деле звали Артуром, но с первого дня своего появления в этой квартире Игорь именовал его не иначе как Собак, а затем с ростом популярности депутата Собчака, в кличку Собак как-то сама собой вклинилась буква “ч”. Осторожно прикрыв дверь, и потрепав за ухом в качестве приветствия Собчака, Игорь незаметно для себя успокоился. Все метаморфозы, происходившие в его теле, разом прекратились, он снова мог подчиняться разуму, а не эмоциям.

Игорь, естественно не первый раз был в Ларисиных апартаментах. Она частенько звала его помочь с какой-нибудь ерундой: то у неё занавеска оборвалась, то розетка искрит, то кольцо под шкаф закатилось, а он никогда не отказывался. Вообще, у Игоря был сговорчивый характер, и, если поначалу жильцы отнеслись к его появлению в квартире настороженно, а кое-кто и неприязненно, и так мол тесно, а тут ещё один претендент на места общего пользования объявился, то потом, проявив редкое единодушие, приняли его как законного соседа, ни разу не напоминая ему, что он не имеет здесь прописки. Даже когда он устроил коротыш, обесточив всю квартиру в тот самый момент, когда Андрей Миронов уже в

третий раз произносил знаменитую фразу “Чёрт побери” из бессмертной комедии. Тогда, очутившись в полной темноте, все жильцы квартиры N27, наверное, с не меньшим чувством воспроизвели полюбившийся пароль. Если бы в этой ситуации, они дружно набросились на Игоря, напоминая ему о его птичьих правах, вряд ли их можно было бы упрекнуть. Анне он никогда не отказывал присмотреть за детьми. Бывало, Аполлоновна звала с просьбой:

– Игорь, если Вам не трудно, помогите из магазина дотащить сумки, а то я тут накупила воз и маленькую тележку.

Даже Михаил Семёнович нашёл в лице Игоря себе партнёра по шахматам.

Игорь огляделся. “Где искать? Если хотя бы знать, что искать.” Никаких мыслей, кроме как пошарить в карманах халата, в котором утром была Лариса, не приходило в голову. “Так, а где же может быть халат? На виду нигде не валяется. Наверное, в шкафу, в том старом, который в спальне?” Стараясь ступать бесшумно, Игорь прошёл за перегородку и открыл шкаф. “Хороший всё-таки пёс Собчак, даже мысли не допускает, что я могу делать что-то предосудительное. Спокойно так смотрит, как я тут хозяйничаю. А вот и тот самый халат!” Игорь сунул руку в карман. Внутри опять всё сжалось, напряглось и дрожь пробежала по телу. Он бы не смог ответить, что больше волновало его: то, что он лез в чужой карман или то, что это был карман того самого Ларисино халатика, который обычно провокационно приобна-

жал грудь и вовсе не закрывая колени, плотно облегал бёдра. Волнение успокоилось, когда пальцы Игоря наткнулись на какой-то острый предмет. Игорь поторопился извлечь штуквину из кармана, но она зацепилась за какую-то нитку и никак не хотела отцепляться. Наконец, поборов нетерпеливый зуд и справившись с зловредной ниткой, Игорь вытащил предполагаемую улику. Это оказалась... всего-навсего Ларисина заколка для волос. От разочарования Игорь в первый момент даже забыл, что у халата есть ещё один карман. Опомнившись, он уже без всякого трепета принялся его исследовать. Пальцы сразу же нащупали что-то твёрдое. Ухватив это твёрдое, Игорь аккуратненько, чтобы не вспугнуть удачу, вытащил из кармана маленькую книжицу. Новенькое удостоверение хрустнуло, когда Игорь раскрывал его. С фотографии размером 3 на 4 на него неестественно серьёзно смотрел... утренний покойник. Поборов эмоции, Игорь внимательно осмотрел картонные корочки в переплёте. Это был обычный пропуск, выданный Каменскому Александру Анатольевичу, инженеру. Игорь сунул руку в карман ещё раз, но там ничего больше не было. “Зачем она это сделала? Чтобы милиция не узнала, кто покойник? Но рано или поздно это всё равно выяснится?!” Вспомнились слова Кирпича из фильма “Место встречи изменить нельзя”: “Твой приятель дурачок что ли? Хочет, чтобы я сам себе с пола срок поднял.” На этом месте мысли Игоря были прерваны самым неожиданным образом.

– Вот это да! Ну и денёк сегодня! Не хватает нам только ограбления! – на пороге стояла Лариса. Судя по всему, она уже некоторое время наблюдала за Игорем, но дверца шкафа должна была скрывать его действия от неё.

– Ну, и что ты здесь делаешь?

– Я? Да, ничего. Просто зашёл с Собчаком поиграть, – спешно засовывая пропуск обратно в карман халата, выдал Игорь заранее заготовленный ответ. Не то, чтобы он придумал его на случай, если вернётся Лариса, о такой возможности он как-то вообще не подумал, а просто эта мысль непрощено пришла ему в голову, как оправдание перед самим собой или неким высшим судьёй, в тот момент, когда он переступал порог Ларисиной комнаты. Наивное такое оправдание, но с совестью примиряло, и вот от неожиданности оно вырвалось наружу и прозвучало, своей нелепостью приглашая разговор в русло полного абсурда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.